

ОКтябрь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Ж У Р Н А Л

С О Д Е Р Ж А Н И Е

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

Я. ШВЕДОВ
Л. КОПЫЛОВА
А. ПЛАТОНОВ
М. ШАГИНЯН
А. ГАНДАР

С Т И Х И

И. САДОФЬЕВ
В. СОЛОВЬЕВ
Г. ФИШ
В. СОЛОВЬЕВ
В. ЭРЛИХ

ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ

К. ЗЕЛНИНСКИЙ
И. ГРОССМАН-РОШИН

ОЧЕРКИ, ФЕЛЬЕТОНЫ

А. ИСБАХ
А. КАРАБАЕВА
Н. КОЧИН
А. СТЕПНАЯ

К Р И Т И К А

В. ЕРМИЛОВ
Л. МЫШКОВСКАЯ
А. ТРОЩЕНКО

БИБЛИОГРАФИЯ

К Н И Г А

Ш Е С Т А Я

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

МОЛОДОЙ ЧЕХОВ

Л. МЫШКОВСКАЯ

Глава I

ЧЕХОВ-ЖУРНАЛИСТ

Всякий писатель пишет в определенной среде и для определенной среды, и потому изучать его надо в его естественном окружении.

Молодого Чехова можно понять, читая его не в издании Маркса или Наркомпроса, а в юмористических журналах 80-х годов, во всяких «Осколках», «Стрекозах» и «Будильниках», где началась его литературная деятельность, в соседстве обыденных работников «малой прессы», как называет ее Чехов, — Пальмина, Лейкина, Грэка, Агапофода Единицына¹⁾ и др.

20-летним юношей Чехов становится сотрудником юмористических журналов и работает в них непрерывно во все годы своего студенчества и также уже в бытность свою врачом, т.е. 6—7 лет под ряд.

Нужда требует от молодого Чехова неустанной работы, и он расширяет свою литературную продукцию до невероятного количества, часто во вред ее качеству. Двести—триста вещичек вылетают ежегодно из-под его пера. Он приспособляется ко всевозможным жанрам, запросам, требованиям и злобам для юмористической журналистики, — «rough matter» по собственному его выражению. Если проследить литературные опыты Чехова за эти годы, то легко убедиться, что нет того вида газетной работы, который бы он ни испробовал. «Кроме стихов и доносов, я все перепробовал», — говорил он, и не преувеличивал. Тут были и репортажные донесения с суда (скопинское и другие дела), театральные рецензии (о Сарре Бернар и др.), надписи к рисункам, анекдоты и пародии на современных деятелей прессы и театра (Лентовского и др.), статьи о гласных, о положении приказчиков, о виновни-

ках железнодорожных крушений, о деятельности земства, комические комментарии к названиям месяцев, — всего не перечесть.

Если молодой Пушкин водил свою «ветреную музу» на веселые дружеские вечера и попойки, где она —

«как вакханочка резвилась,
за чашей пела для гостей,—

то юной чеховской музе, в соответствии с иным социальным положением ее обладателя, предстоял и другой удел. Акробаткой-поденщицей выступает она на убогой арене и часто рядится в костюмы, мало подходящие к ее тонкой красоте и силе. Чехов вспоминает об этом в письме к Короленко: «Выражаясь языком поэтов, свою чистую музу я любил, но не уважал, изменял ей и не раз водил ее туда, где ей не подобает быть».

Но все же не следует думать, что эта разносторонняя литературная деятельность пошла Чехову во вред. Она выработала в нем гибкость, почти виртуозность художника, рано овладевшего возможными литературными жанрами. Впоследствии, когда его талант широко развернулся, эта способность ему весьма пригодилась, — для него оказалось под силу решительно все: и обширный публицистический труд о Сахалине, и совершенные миниатюры-рассказы в 2—3 страницы, и большие повести, и драмы, и водевили. Чехов это хорошо сознавая и пишет по этому поводу Плещееву:

«У меня в прошлом масса ошибок, каких не знал Короленко, а где ошибки, там и опыт. У меня, кроме того, шире поле брани и богаче выбор... Писал и повести, и рассказы, и водевили, и передовые, и юмористику и всякую ерунду, включая сюда и комаров и мух для «Стрекозы». Оборвавшись на повести, я могу приняться за рассказы; если последние плохи, могу ухва-

¹⁾ Псевдоним брата Чехова — Александра Павловича.

титься за водевил; и этак без конца, до самой дохлой смерти».

Активность Чехова, как журналиста, его заинтересованность и осведомленность в журнальном деле явственно выражены в его переписке с Лейкиным, редактором «Осколков», в которых Чехов сотрудничал количественно больше, чем везде.

Он пишет ему:

«Фельетона пока нет, потому что материала буквально нуль. Кроме самоубийств, плохих мостовых и манежных гуляний, Москва не дает ничего. Схожу сегодня к московскому обер-знайке Гиляровскому, сделавшемуся в последнее время царьком московских репортеров, и попрошу у него сырого материала. Если у него есть что-нибудь, то он даст, и я пришлю вам обозрение, по обычаю к вечеру вторника. Если же у него ничего нет и если чтение завтрашних газет пройдет так же бесплодно, как и чтение вчерашних, то придется на сей раз обойтись без обозрения¹⁾. Я, пожалуй, могу написать про думу, мостовые, про трактир Егорова... Да что тут осколочного и интересного?»²⁾.

Чехов доставляет и темы для журналов:

«Все темы, какие у меня накопились за все время моего литературничества, я вывалил вам в прошлом году, — пишет он Лейкину, — и теперь выдумываю и изредка присылаю... Сделал даже по Москве клич, что плачу по полтиннику за каждую спосную тему»³⁾.

Он дает советы Лейкину, как поднять интерес читателей к журналу:

«Для оживления журнала будем сочинять открытые письма, вопросы, загадки, конкурсы... и все это во вся тяжкая. Для образчика предлагаю вам на обороте конкурс... Такие шутки любит читатель»⁴⁾.

¹⁾ Чехов вел, начиная с 1883 по 1885 г. регулярно обозрения в «Осколках» под заглавием «Осколки Московской жизни»; подписывался — «Рувер» или «Улисе».

²⁾ Из письма к Лейкину, 1885 г., 22 марта. Москва. I том писем.

³⁾ Из письма к Лейкину, 1884 г., 4 ноября. Москва. I том писем.

⁴⁾ Из письма к Лейкину. 1886 г., 5 января. Москва. I том писем.

Лейкин очень рано оценил его силу и значение, несмотря на полную неуверенность Чехова в самом себе.

«Вы пишете мне о какой-то робости, что иногда боитесь посылать рассказы... — читаем мы в его письме к Чехову в январе 1883 г.¹⁾. — Что вам робеть? Вы писатель опытный²⁾ и уже достаточно набили руку. У вас и литературное чутье, — вы чувствуете, когда и что именно надо, а это важная вещь. Иногода рассказец и плохонький, но ежели он написан а прогос, — на него и читатель смотрит иначе. Недостатки скрадываются. Дорого яичко в христов день. Вот как я смотрю на дело оком редактора».

Лейкин уже с первых лет сотрудничества Чехова чувствует в нем опору журнала, всегда держит несколько его вещей про запас и неустанно просит присылать да присылать материал:

«Все имеющиеся у меня ваши рассказы опять убил в один номер, оставив про запас только одну штучку — «Благодарный», но этого, пожалуй, на 7-й номер будет мало, а потому прошу вас опять поналечь покрепче и присылать мне партейку литературного товара к понедельнику»³⁾.

Случается иногода, что этот товар не весьма высокого качества, — Лейкин в таких случаях снисходителен, понимая, что это не снижает Чехова, как сотрудника в целом, и пишет:

«Рассказики не совсем вытанцовались (кроме деевника помощника бухгалтера), но что делать!.. Как-нибудь сойдет. И печь печет разные хлебы».

Но все же положение журналиста этой «малой» прессы было далеко не из веселых. Чехов испытал его сам в достаточной мере и не раз высказывался по этому поводу. В юбилей «Будильника» в 1885 г. он произнес речь — «Тост прозаиков» (цитируем в отрывках).

«Не моя вина, если требуемый от меня тост заставит вас нахмуриться и если мой веселый сосед потянет меня за рукав и призовет к порядку. Я смущаюсь».

¹⁾ 20 января 1883 г. Арх. музея им. Чехова.

²⁾ Антону Павловичу было тогда всего 23 года.

³⁾ 8 февраля, 1888 г. Архив музея им. Чехова.

щен, коллеги, и не весело мне. Если бы не было обычая на юбилейных обедах смеяться, то я пригласил бы вас плакать...

Если человек прожил двадцать лет, то он еще так молод, что ему запрещают жениться; если же журнал перевалил через двадцать лет, то его ставят в пример долговечности... Журналы недолговечны; пишущие же еще недолговечнее... Прожил «Будильник» только двадцать лет, а попал уже в старики и пережил чуть ли не двадцать поколений сотрудников.словно индийские племена, исчезали одно за другим эти поколения... Смешно: по «Будильнику» мы имеем предков.

...Не стану я объяснять этой недолговечности, но ею берусь объяснить многое. Объясняю я ею такое печальное явление, как отсутствие окрепших, сформировавшихся и определившихся талантов. Объясняю отсутствие школ и руководящих традиций. В ней же вижу причину мрачного взгляда, установившегося у некоторых на журнальные судьбы. Но что наиболее всего смущает меня, так это то, что та же самая недолговечность является симптомом жизни тяжелой, нездоровой»¹⁾.

Всякие комментарии к этому отрывку излишни, — общественность, положение прессы и работников ее достаточно обрисованы. Но интересно отметить, что здесь в молодом Чехове отчетливо слышен будущий Чехов: такие, приблизительно, монологи о русской жизни, о положении и самочувствии интеллигенца произносят впоследствии герои его больших повестей и драм.

Глава II

Юмористические журналы 80-х годов.

Их направление

Как уже сказано, нельзя понять молодого Чехова и мотивов его творчества, не изучив его журнальной среды и физиономии юмористического журнала 80-х годов.

Чем живет этот журнал, каково его общественное лицо, — ответ на этот

вопрос мы получим, изучив его тематику и воззрения его по некоторым вопросам общественного порядка.

Прежде всего два слова о положении печати 80-х годов. Приведу только несколько выдержек, свидетельствующих о том, как терпела даже эта «серенькая, маленькая» по выражению Чехова, пресса, как ей приходилось лавировать.

«Вы спрашиваете, что случилось с «Осколками московской жизни», посланными вами для № 4 журнала, — пишет Лейкин Чехову. — Случилась беда. Не будь запасного набора, я не мог бы составить номера. Целый погром. Цензор все захерил: и ваших «Зверей», и стихи Трефелева, стихи Гиляровского, половину обозрения Билибина, мой фелетонный рассказ, анекдоты, копилку курьезов и московскую жизнь... И это еще не все: сам журнал едва уцелел. Наутро я был вызван в цензурный комитет, и председатель Кожухов (он из Москвы) объявил мне, что журнал будет запрещен, если я не перемену направления, что цензор вымарывает статьи, но против общего направления, против подбора статей он ничего не может сделать, и что тут виноват редактор. Объявил мне также, что начальник главного управления по делам печати вообще против сатирических журналов и не находит, чтобы они были необходимы для публики, что.. и т. д. Громы разверзлись страшные»¹⁾.

Чехов — Лейкину:

«...Погром на «Осколки» действовал на меня, как удар обухом... С одной стороны, трудов своих жалко, с другой — как-то душно, жутко... Конечно, вы правы: лучше сократить и жевать мочалу, чем с риском для журнала хлестать плетью по обуху. Придется подождать, потерпеть... Но думаю, что придется сокращаться бесконечно. Что дозволено сегодня, из-за того придется съездить в комитет завтра, и близко время, когда даже чин «купец» станет недозволенным фруктом. Да, неприятный кусок хлеба дает литература, и умно вы сделали, что

¹⁾ Из письма Лейкина к Чехову, 10 октября, 1885 г. «Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке».

¹⁾ «Будильник», 1885 г., № 12.

родились раньше меня, когда легче и дышалось и писалось»...¹⁾).

Иногда цензорские строгости принимали формы, смахивающие на анекдот. Об одной такой очередной «штучке» сообщает Лейкин Чехову.

«Вот времена-то настали! Надо лавировать, лавировать. В номере 4-м «Осколков» вы увидите на первой странице портрет И. С. Аксакова. Надпись: «И. С. Аксаков» цензура сняла, а вместо слов «газета Русь» предложила написать «газета Китай»²⁾).

О чем писала эта «сатирическая» пресса, против существования которой «вообще» возражал начальник главного управления по делам печати?

Самой постоянной темой юмористического журнала был купец, и преимущественно пьяный (выше упоминает об этом Чехов). В каждом номере находим по две-три вещи о купце — фельетон, сценку, рассказик. Купцом, можно сказать, больше всего кормилась юмористическая пресса. Это обстоятельство вызывало естественное отвращение у Чехова, и он пишет брату:

«Лучше с триппером возиться, чем брать деньги за подлое, за глумление над пьяным купцом»³⁾. Причина этого явления проста, — тема эта не возбранялась правительством и охотно принималась читателем и потому надолго угнездилась в юмористическом журнале. Писалось о купце всегда в одном и том же тоне и раз навсегда установленным штампованным языком.

Много места в журналах занимают купеческие свадьбы. При этом такие рассказы иногда сопровождаются выразительными заглавиями, вроде «Два савраса и одна саврасиха»⁴⁾ (обручение в купеческом доме, пьяный жених заговаривает ссору, и дело расстраивается), «На купеческой свадьбе»⁵⁾ (на них го-

сти «откалывают кадфель» и говорят друг другу «я очинно рад»).

Бывают и такие заглавия, как «Похождение купца Самоварова». Вообще купцы даны в различных положениях и под различными соусами. И эта дешевизна и вульгарность в постоянном повторении одной и той же заезженной, свыше разрешенной, темы определенным образом рисует физиономию журнала.

Другая тема, занимающая тоже весьма видное место в юмористических журналах, — это осмеяние инородцев — кемцев, армян, грузин и бессменное, устойчивое юдофобство, совершенно нововременского пошиба. За эти темы можно было, естественно, даже на комплимент со стороны правительства рассчитывать, и опять-таки оки находили дружеский прием и благосклонное внимание со стороны многих читателей юмористических журналов.

В «Осколках» за 1883 г. в целом ряде номеров появляются изречения под заглавием «Из записной книжки ба-жжир Моисея Соломоновича Лиссабончика», нарочито искаженным языком написанные в резко антисемитском духе.

Следует признать, что указанная струя антисемитизма, беспредельно царившая в юмористических журналах, не осталась без известного влияния и на молодого Чехова и оставила определенный след во многих его произведениях, преимущественно первого периода.

Часто Чехов, говоря о персонажах-евреях, вкладывает им в уста, иногда даже во вред жизненной правде, искаженную русскую речь. Так, например, в рассказе «Неосторожность» еврей-фармацевт изъясняется следующим образом:

«Каждая собаке и каждый кошке имеет покой... Вы ничего не желаете понимать, и, по-вашему, мы не люди, и в нас нервы должны быть, как веровка».

И далее:

«Вам что угодно? — спросил он тоном, каким могут говорить только очень умные и солидные фармацевты иудейского вероисповедания».

¹⁾ Из письма к Лейкину. Москва, 1885 г. Октябрь. I том писем.

²⁾ Из писем Лейкина к Чехову 20 января, 1883 г. Архив. музея. им. Чехова.

³⁾ Из писем к брату Ал. П. 1883 г., 19 мая. Москва. I том писем.

⁴⁾ «Осколки» 1882 г., № 47.

⁵⁾ «Осколки», 1882 г., № 46.

Здесь мы явно слышим уже знакомые нам осколковские нотки и находим обычный осколковский прием: говоря о евреях (также и о немцах, грузинах, армянах, как мы видели), штампованным образом искажать русскую речь.

И в письмах и во многих произведениях при упоминании о евреях то и дело проскальзывает знакомый осколковский тон, от которого Чехову, в ряду прочего вредного наследства, приходилось постепенно и упорно освобождаться.

Кроме только что указанных материалов с определенным «направлением», есть вещи просто бульварного характера.

Таков шедевр:

ПО ПОВОДУ ЖЕНСКИХ ГЛАЗОК.

(Ни то, ни о!).

Глазки черные.

«Когда я гляжу на черные глазки, мне мнится красавица ночь, дышащая знойной страстью и негой и сладкой истомой, ночь, опьяняющая фантазию, кипящая кровью, ночь, говоря поэтически, горячих поцелуев* и убийств, любви и страданий, нежного шопота и стонов, крови и роз...»

Затем идут такие же серенады глазкам синим, карим, серо-зеленым, серо-неопределенным, и все завершается «глазками голубыми»¹⁾.

— «Глазки голубые... глазки голубые...»

— «Сирена»¹⁾, — сказал бы Чехов.

Но за все это цензура не сердилась бы. А все же мы знаем, что она устраивала иногда даже целые «погромы» на эти журналы.

В чем же причина?

Дело в том, что на ряду с вышеназванными перлами в некоторых юмористических журналах, преимущественно в «Осколках», своеобразно уживались и известный либерализм и критика полицейских порядков и чиновничества, хотя и в весьма безобидной форме, по-оно-то и вызывало бурный гнев начальства по делам печати.

Приводим некоторые такие характерные отрывки:

¹⁾ «Стрекоза», 1880 г., № 19 (в «Стрекозе» 80-го года Чехов написал свой первый рассказ).

«ПРОЕКТ БЕЗОПАСНОСТИ И БЛАГОСОСТОЯНИЯ РОССИИ»

Читан на заседании Вольно-экономического общества (издание второе, исправленное и дополненное)

1. Крестьяне разделяются на сотни. Для надзора над каждой сотней стоит субъект, снабженный гомеопатической аптекой.

2. Крестьяне занимаются весной, летом и зимой с радостным выражением лица полевыми работами, укрепляющими тело, и обрабатывают земли своих добрых помещиков, за что и получают от оных каждое воскресенье «русское спасибо» и рюмку очищенной¹⁾...»

В таком же роде:

НИШКНИ²⁾

§ 1. Общество под названием «Нишкни» учреждается с целью излечения общественных язв.

§ 3. Общество имеет три отделения: 1) «Не потерплю». 2) «Тащи, не пушай». 3) Лапай без остатка и статистическое бюро, соединенное с первым отделением».

Полицейский произвол и его сподвижники часто подвергались критике, — таковы чеховские «Случай» «Mania grandiosa» (подпись «Человек без селезенки»)...

Цитируем в отрывках:

«Мне самому приходилось наблюдать случаи тяжелого психоза, причины которого нужно искать только в цивилизации.

Я знаю одного отставного капитана, бывшего станового. Этот человек помешан на теме «сборища воспрещены». И только потому, что сборища воспрещены, он вырубил свой лес, не обедает с семьей, не пускает на свою землю крестьянское стадо и т. д. Когда его пригласили однажды на выборы, он воскликнул: «А вы разве не знаете, что сборища воспрещены?»

Один отставной урядник, изгнанный, кажется, за правду или за лихоимство (не помню, за что именно), помешан на теме «А посиди-ка, братец». Он сажает в сундук кошек, собак, кур и держит их взаперти определенные сроки. В бутылках сидят у него тараканы, клопы, па-

¹⁾ «Осколки», 1883 г., № 5.

²⁾ «Осколки», 1883 г., № 2.

уки. А когда у него бывают деньги, он ходит по селу и нанимает желающих сесть под арест.

— Посиди, голубчик! — умоляет он. — Ну, что тебе стоит? Ведь выпущу! Уважь характер.

Найдя охотника, он запирает его, сторожит день и ночь и выпускает на волю не ранее определенного срока.

..Мой зять — акцизный, помешан на идее — «гласность — фря». Когда-то его отщелкали в газетах за вымогательство, и это послужило поводом к его умпомешательству. Он выписывает почти все столичные газеты, но не для того, чтобы читать их. В каждом полученном номере он ищет «предосудительное». Найдя таковое, он вооружается цветным карандашом и марает. Измазав весь номер, он отдает его кучерам на папиросы и чувствует себя здоровым впредь до получения нового номера¹⁾.

Следует отметить, что из всех этих обличительных набросков, которые обычны в журналах, преимущественно в «Осколках», выросли затем знаменитые чеховские общественно-обличительные персонажи, вроде унтера Пришибеева, человека в футляре, «злоумышленника» и др., ставших нарицательными и полностью выявивших общественно-политический строй своего времени.

Во многих номерах дан материал по критике современных общественных порядков и нравов и по обличению различных общественных злоупотреблений — взяточничества, вымогательства, кражи общественных денег и пр.

Попадают также сценки из крестьянской жизни, изредка описания бедственного быта рабочих, написанные тоном сочувствия, но без всякой единой выдержанной линии и даже не без некоторой примеси пошлости.

Из обзора указанных материалов явствует, что направление юмористических журналов 80-х годов, в которых работал Чехов в качестве постоянного сотрудника-журналиста, складывалось из двух струй — националистически-шовинистической, весьма близко примыкавшей к официальному патриотизму, и демократически-либеральной. Оба эти

начала шли вровень, и это обстоятельство само по себе указывает, что у руководителей журналов не было никаких ясных, твердых принципов и отчетливого общественно-политического мировоззрения.

Такого рода положение объясняется той общественной функцией, которую несла эта печать в те годы.

Журналистика 80-х годов (юмористическая), выражаясь современным языком, выполняла определенный социальный заказ, — она отвечала вкусам и в свою очередь выражала вкусы, настроения и общественные симпатии одной общественной группировки — городской интеллигентско-мещанской массы, которая в ту пору, несмотря на известный налет либерализма, оппозиционности и демократизма, была по сути дела еще совершенно пассивна, рыхла и все еще насковзь пропитана плесенью старого быта. Направление и тематика этих журналов вполне и отразили идейный багаж той среды, на потребу которой шли эти журналы. Тематики мы в дальнейшем коснемся подробнее, и она полнее выявит среду, для которой она предназначалась.

Чехов сотрудничал в юмористической прессе первые 6 лет (ему было двадцать лет, когда он впервые стал печататься), т.е. тот период, когда он рос и оформлялся как писатель. Безыдейная журнальная среда, в которой не было никаких ясных общественных принципов и никакого общественного мировоззрения, не могла не отразиться вредно на молодом Чехове и на его творчестве. После этой журналистики переход в «Новое время» и не представлял для него особой революции. Михайловский, который требовал от него ухода из «Нового времени», писал ему: «Я был поражен вашей неиспорченностью, потому что не знал школы хуже той, которую вы проходили в «Новом времени», «Осколках» и пр. Потом понял, что иначе и не могло быть, — эта грязь не могла к вам пристать. Школа, однако, сделала, что могла, — приучила вас к отрывочности и к прогулке по дороге не знамо куда и не знамо зачем»¹⁾.

¹⁾ «Осколки» 1883 г., № 4.

¹⁾ «Слово», сб. П. Н. К. Михайловский А. П. Чехову. СПб. 1888 г., 15 февраля.

Чехов, однако, вначале этого еще не сознавал и страдал от упреков Михайловского и других. В известном письме к Плещееву в 1889 г. он говорит, что его идеал—свободный художник, не связанный никакими тенденциями, ярлыками и партиями.

«...Фирму и ярлык я считаю предрасудком. Мое святое святых—это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником»¹).

Интересные дополнения к этому письму мы находим у Амфитеатрова—современника Чехова и сотрудника тех же юмористических журналов.

«Все молодые литераторы того времени,—пишет Амфитеатров,—за немногими строгими исключениями, в роде непогрешимого Короленки, кипели подобными мыслями, до такой степени все, что вот теперь, оказывается, резче, чем кто-либо иной, выражал их даже Антон Павлович».

Как пример типичности этих взглядов в молодой писательской среде 80-х годов, Амфитеатров приводит тот факт, что в своих «Восьмидесятниках» он вложил в уста одного персонажа, молодого литератора, высказывания, совершенно аналогичные данному чеховскому, и прибавляет: «Это стояло столбом в воздухе». Амфитеатров также приводит характерную игру словами «идол» и «идеал», иронически употреблявшими, как равнозначные²).

Но по мере того как общественная жизнь расширялась, выходя из тупика 80-х годов, и предъявляла писателю определенные требования идти с ней в ногу, по мере этого Чехов стал уже ощущать ненормальность своей прежней программы, о которой говорится в цитированном письме, и в 1892 г. в письме к Суворину он совершенно по-иному ставит вопрос.

«Вспомните,—пишет он,—что писатели, которых мы называем вечными

или просто хорошими и которые пьянят нас, имеют общий и весьма важный признак: они куда-то идут и вас зовут туда же, и вы чувствуете не умом, а всем существом, что у них есть какая-то цель, как у тени отца Гамлета, которая недаром приходила и тревожила воображение. У одних, смотря по калибру—цели ближайшие: крепостное право, освобождение родины, политика, красота или просто водка, как у Дениса Давыдова; у других—цели отдаленные: бог, загробная жизнь, счастье человечества и т. п. Лучшие из них реальны и пишут жизнь такую, какая она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, как соком, сознанием цели, вы, кроме жизни, какая она есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это пленяет вас. А мы? Мы пишем жизнь такую, какая она есть, а дальше—ни тпру, ни ну. Дальше хоть плетями нас стегайте. У нас нет ни ближайших, ни отдаленных целей, и в нашей душе хоть шаром покати. Политики у нас нет, в революцию мы не верим, бога нет, привидений не боимся, а я лично даже смерти и слепоты не боюсь. Кто ничего не хочет, ни на что не надеется и ничего не боится, тот не может быть художником. Болезнь это или нет—дело не в названии, но сознаться надо, что положение наше хуже губернаторского.

...Вы и Григорович находите, что я умен. Да, я умен, по крайней мере настолько, чтобы не скрывать от себя своей болезни и не лгать себе и не прикрывать своей пустоты чужими лохмотьями вроде идей 60-х годов и т. п.»¹).

То, что Чехов раньше почитал достоинством всякого художника и своим в частности, т. е. полнейшую свободу, иначе говоря, отсутствие общей идеи, тенденции и связанности единым мировоззрением, то Чехов теперь открыто называет «болезнью» и остро сознает ее как момент, мешающий и сильно понижающий весь тонус творчества художника.

Приходится отметить здесь, что в этом письме самокритика Чехова очень близко сходится с упреками Михайловского,

¹ Из писем к Плещееву, 1889 г., Октябрь. Москва. II том писем.

² Амфитеатров.—«Славные мертвецы».

¹ Из писем к Суворину. 1892 г., 25 ноября, т. IV.

направленными против него. Михайловский обвинял его в отсутствии общей идеи, в «безучастии и безразличии».

Однако не все писатели — современники Чехова были в том же положении. Старшие из них жили еще, выражаясь чеховской терминологией, «лохмотьями идей 60-годов». Таков был Глеб Успенский и примыкавший к народникам Короленко — писатель с большой общественной активностью, боровшийся в своих произведениях и в жизни с темной силой самодержавия. Младший современник Чехова — Горький, сразу выступивший в литературу под знаменем борьбы, довольно рано пристал к рабочему движению и приобрел, таким образом, общую идею.

У Чехова было иное положение. Его болезнь крылась в условиях переходного десятилетия (80-е годы), в обстановке и журнальной среде, из которой он вышел.

Малая пресса, которая взрастила Чехова и которая отражала собою общественно-политическую аморфность широких слоев разночинной мещанской интеллигенции переходного времени 80-х годов, не могла выработать в нем устойчивого миросозерцания, а, наоборот, воспитывала в нем общественный нейтралитет, пассивность и аполитичность. Толстой, как известно, очень любивший Чехова и говоривший о нем: «это Пушкин в прозе», ставил ему в вину отсутствие общего миросозерцания. «Он очень даровит, и сердце у него должно быть прекрасно, — пишет Толстой, — но до сих пор нет у него своей определенной точки зрения»¹⁾, или: «Прочел рассказ Чехова «На подводе». Превосходно по изобретательности, но риторика, как только он хочет придать смысл рассказу»²⁾.

На деле теория абсолютной свободы художника, разделяемая Чеховым совместно со всей журнальной средой 80-х

годов, близкой к малой прессе, представляла собой не что иное, как отражение аморфности взглядов определенной читательской среды на литературу, наивно выдаваемых ею за непреложный вековечный принцип.

Надо прибавить, что, кроме воздействия журнальной среды, Чехов, сам выходец из городского мещанства, долго живший в нем, испытал на себе в достаточной мере влияние этой среды. Вместе с огромным знанием ее быта он вынес из нее и отрицательные черты, которые ему, интеллигенту-писателю, впоследствии приходилось преодолевать.

Он сам хорошо сознавал это обстоятельство и вот что пишет по этому поводу в письме к Суворину:¹⁾

«Что писатели-дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают ценою молодости. Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, — напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая»...

Можно предположить, что Чехов здесь несколько преувеличил, клеветал на себя, но все же основное указано — пришлось пройти длинный путь освобождения от черт, привитых обстановкой, воспитанием и журнальной средой.

(Окончание следует)

¹⁾ Письмо Л. Л. Толстому, 1895 г., 9 сентября.

²⁾ Дневник Толстого, 1897 г., 21 декабря.

¹⁾ 1889 г., 7 января. Москва, II том писем. стр. 283.